

ОТЗЫВ

на автореферат диссертационной работы Зарапина Олега
Викторовича

«Диалог как формат философской текстовой культуры»
(специальность: 5.7.8 – Философская антропология, философия
культуры (философские науки), представленную на соискание
ученой степени доктора философских наук

Читая еще первый раз текст диссертации О.В. Зарапина, пришел в недоумение от нескольких обстоятельств. Первое – от принципиально неверной модели философской текстовой культуры; второе – от сложного изложения самоочевидных истин; третье – от желания автора казаться современным посредством включения размышлений о человеко-машинной коммуникации, так и не разобравшись с цифровыми вызовами для самой философии и ее текстовой культуры. Последующее более внимательное прочтение текста диссертации и автореферата только убедили в правильности первого впечатления и выявили много других недостатков данной диссертационной работы.

Диссертант своим главным научным достижением считает разработанную им модель «философской текстовой культуры (ФТК)». «Предложена модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия. Взаимосвязь монолога и диалога определена в виде функции трансформации дискурса, реализуемой в качестве комплексного дискурсивного процесса воздействие – созерцание – действие и репрезентирующей идею полноты философской текстовой культуры» (Автореферат, с. 5). Очевидно, что любая модель является упрощением и недостаточна для описания реальных феноменов и процессов, но допустима и даже эффективна как исследовательский метод. Но ложная модель и ущербна, и не допустима, так как не приближает к пониманию ни феномена, ни процесса. Рассматривать монолог как практику созерцания, а диалог как

практику воздействия – значит изначально допустить очень упрощенный посыл на грани утраты здравого смысла, чтобы потом глубокомысленно утверждать, что оказывается они взаимосвязаны «функцией трансформации дискурса». Такая модель принципиально неверна, если иметь в виду, что монолог невозможен без внутреннего диалога. Диалог не оболочка, а со-природная свойство монолога. А в чем тогда вообще смысл модели, суть которой сводится к тому, чтобы утверждать самоочевидное, что монолог и диалог взаимосвязаны, хоть и каким-то экзотическим выдуманном автором способом? На протяжении многих страниц раскрывается механизм этой выдуманной взаимосвязи с многократным кружением над одной и той же мыслью с «красивым» языковым оформлением. Многие из них верны, но если убрать их философскую велеречивость, то они превращаются в банальные утверждения – трюизмы. Их так много, что даже не имеет смысла приводить примеры, просто осуществите операцию перевода высказывания на уровень понятного (если угодно, обыденного) языка практически любого значимого для соискателя пассажа, как его личного достижения и непредвзятый читатель это обнаружит. Следует также отметить, что монолог также может оказывать воздействие, как и диалог, но тогда рухнет вся модель соискателя.

На любые критические замечания у диссертанта отработана эффективная, как он полагает, тактика защиты, которую он постоянно применяет: 1) меня не так поняли и, 2) я имел в виду другое. С этим мы столкнулись при первом и единственном обсуждении диссертации на кафедре философии КФУ им. В.И. Вернадского, на которой и писалась диссертация. После чего можно как мантру повторять любой кусок текста, так как уже изначально оппонент или «не догнал» мысль диссертанта или не осуществил соответствующее герменевтическое «погружение». Собственно, здесь обрывается любая дальнейшая дискуссия. Эти приемы свидетельствуют, что автор совершенно закрыт

от практики научного диспута, ему не с чем прийти на часто упоминаемую им агору и высказать хоть какую-то важную мысль. Ему не грозит суд и необходимость испить чашу с цикутой. Эта метафора приведена здесь только для того, чтобы обозначить, что за философски пустой софистикой нет ничего серьезного или того, что открывает новые исследовательские горизонты.

Диссертант допускает так много неверных допущений, что нет возможности остановиться на всех, но стоит отметить принципиальные, свидетельствующие о его весьма субъективном понимании ряда существенных моментов истории философии. Диссертант утверждает, что «европейской культуре неизвестна внетекстовая философия, в этой культуре, перефразируя Лао-Цзы, говорят оба – и знающий, и незнающий» (Автореферат, стр. 3). Но возникают вопросы. Куда отнести Сократа, когда он вел свои диалоги? Куда отнести всю средневековую схоластику с ее диспутами? Не все ложилось на бумагу, становилось письменным текстом, но эти феномены точно были философией. Собственно, такой книжный подход и привел в итоге философию к самозамкнутости и вырождающейся пустой схоластике. И она оказалась на обочине жизни. Нет философов-мудрецов, к которым хотелось бы прийти за советом, прислушаться, а есть философы-книжники, толкующие книги и создающие новые «философские тексты». Собственно, зачем сама защита диссертации, ее устный формат. Не легче было бы вообще обмениваться только написанными текстами? Вот и здесь у нас образец такой изживающей себя философии.

Подтверждением является превратно понятая герменевтика. Ее суть, на самом деле, в том, чтобы понять и объяснить сложное, а не превратить простые мысли в сложно проходимые дебри и нагромождение умных слов.

Как быть вообще с нетекстовой философией? А она все настойчивее заявляет о себе в информационном пространстве. Это,

например, выступления Захара Прилепина, Сергея Переслегина, Петра Щедровицкого или Андрея Смирнова. Здесь сразу раздадутся возражения, что только последнего собственно можно отнести к философам. Но эти возражения должны нас только вдохновить, так как мудрое и умное слово все также как двадцать пять веков назад востребовано. Но кто-то взял на себя ответственность считать философом только себя и таких как он, и отказывает другим в этом звании только потому, что они не соответствуют придуманным им критериям философичности. Такие ограничения умозрительны и не обоснованы, если вспомнить начала самой философии, когда она была делом граждан полиса, а не касты профессиональных философов.

Задумайтесь только над тем, что станет с предложенной диссертацией ФТК, когда генеративная нейросеть будет продуцировать интеллектуальные тексты с невозможностью определения ее авторства. Мы уже сейчас доказываем свое авторство справкой об антиплагиате. Завтра, нет уже сегодня, встает вопрос о *человеческом* авторстве. По логике автора диссертации, мы придем к кризису философии, если не сказать к ее смерти, так как она в европейской культуре возможна только в виде текста. Однако диссертант в самом философском тексте не увидел особенности человеческой рефлексии, то, что цифровой философии не может быть в принципе, если не считать использование цифровых методов в философских исследованиях. Но об этом ниже.

Зададимся вопросом: чем являются платоновские диалоги? Они представляют собой образцы устной или письменной речи? Очевидно, что письменной. Устная философия дошла до нас только в превращенной форме, но сейчас-то ситуация другая. И не замечать это значит упрощать философию, сводя ее к книжности. Даже не имея возможности прикоснуться к оригиналу – устному диалогу Сократа – Якко Хинтика в своих замечательных исследованиях смог реконструировать эпистемологию Сократа, осознав до этого все

тонкости различия устной и письменной речи. (См.: Хинтикка Я. Сократическая эпистемология: Исследование поиска знания посредством вопросов). Нам могут возразить, что сделал он это только с помощью текстов Платона. А сегодня нет необходимости сохранять устную речь в письме, так как она легко воспроизводима техническими видео-аудио средствами.

Однако вернемся к самому тексту диссертации о ФКТ. Складывается устойчивое впечатление, что О.В. Зарапин свои субъективные представления и риторические «кружева» философичности, пытается представить как объективные, добытые путем долгих научных размышлений, истины и достижения. Вот как им представлена новизна диссертации в автореферате.

Новизна исследования:

- Предложена модель философской текстовой культуры... (См. цитату выше).
- В значении побуждение к умоперемене (метанойя) выделен способ текстовой деятельности воздействия. Его выражает сократический призыв к речеперемене как процессу, реконструируемому в виде перехода от модели речевой деятельности угождение к модели речевой деятельности испытание. Дискурсивным маркером такого перехода является изменение отношения к Другому (от превосходства над Другим – к превосходству над собой). Данный способ деятельности определяет общую прагматику дискурсивных практик приобщение к философии, наставление в опыте созерцания, дружеское общение, репрезентирующих формат диалога.
- В значении свидетельство умоперемены (метанойя) выделены способы текстовой деятельности созерцания: свидетельство о личности, свидетельство о мире. Данные способы деятельности составляют совокупность дискурсивных практик, репрезентирующих формат монолога. Способ деятельности свидетельство о личности выражает

специфику дискурсивных практик биографии, дневникового письма, заочной критики мнений. Способ деятельности свидетельство о мире выражает специфику практик философского мироописания, обобщаемых в виде платоновской и аристотелевской моделей.

- На основе анализа процесса конвергенции формата диалога и формата монолога раскрыт механизм, обеспечивающий функцию трансформации дискурса в философской текстовой культуре. В качестве условия реализации этой функции в личностном акте представлена ее ценностно-смысловая компонента, фиксируемая в виде нарратива культуры. Вычленены нарративы философской текстовой культуры: совершенствование, преобразование, подлинность.
- Выявлена особенность философского диалога, реализуемого в процессе человеко-машинной коммуникации. В диалоге машина способна интеллектуально воздействовать на человека, вызвать в нем умоперемену (метанойя), но это воздействие не учитывает возможность человека усвоить его в качестве образца для собственного поведения.

Первые четыре пункта новизны просто не выдерживают критики в виду неадекватности самой модели, и мы это уже отметили. Остановимся на последнем параграфе второй главы диссертации о человеко-машинной коммуникации. Значительная ее часть посвящена обзору разработанных программ, их краткому и, надо отметить, достаточно полному и точному описанию. Но до этого вполне закономерно и хрестоматийно появляются рассуждения о Лейбнице с его исчислением высказываний и принципиальным отличием от платоновского подхода к диалогу. Почему этот переход обозначается как переход от числа к цифре не совсем понятен, если иметь в виду, что цифра есть знак, обозначающий число; по крайней мере, автору не удалось это внятно объяснить. Конечно, мы понимаем, что в принципе хочет донести диссертант до читателя, что у Платона и Лейбница разные познавательные установки и как следствие разная трактовка диалога. А

«цифра» здесь скорее для того, чтобы привязать хотя бы кого-то из «классических» философов к современной цифровизации, а главное заявить о «повороте от числа к цифре». Это все равно, что относить историю кибернетики к античности, только потому что словом «кибернос» в то время называли рулевого. Неудивительно, что после Лейбница, мы по воле диссертанта, сразу оказываемся в цифровой эпохе. Совершенно непонятно как эволюционировала монадология немецкого мыслителя в современные идеи об ИИ. Сказать, что автор не пытается пробросить соответствующие мостики было бы неверным. Делает это непринужденно пропуская целые столетия развития философской мысли, так как не находит ничего, что можно было бы хоть как-то интерпретировать согласно собственной схеме исследования. Тем не менее, то, как он бездоказательно связывает того же Лейбница с современной цифровизацией, так же непринужденно можно все связать со всем. Собственно, вот такая легковесность мысли, облаченная в тяжелую броню мудрых слов, создает впечатление, что мы имеем дело с глубоким философским текстом. Однако чары спадают, когда обращаешься к выводам, к которым нас подводит автор после многостраничных рассуждений в диссертации.

Он дан в шестом пункте заключения: «В процессе человеко-машинной коммуникации философский диалог возможен как текстовая деятельность, не имеющая смысла текстового поведения. Машина способна интеллектуально воздействовать на человека, побудить его к умеренности, но это воздействие не может служить для человека образцом его собственного поведения. Функция виртуального философского собеседника реализуется в имитации межличностной коммуникации, ее значимой особенностью является исключение нормативной компоненты воспроизводства в прагматике текста, возникающего как продукт философского диалога человека и машины.

Иницируемое в процессах человеко-машинной коммуникации изменение диалогового формата ФТК в части его нормативного основания есть симптом, который можно оценить позитивно. Он свидетельствует о формировании нового нарратива, складывающегося в условиях цифровой культуры. Это – нарратив незаменимости человека как источника воздействия, выражающий идею, что в философской культуре машина не способна полноценно заменить человека в качестве инициатора умоперемены». (Автореферат, стр. 25). Самое интересное в этом выводе то, что с серьезными уточнениями можно принять, хотя весь путь рассуждений к нему сомнителен и не связан с выводом. Более того, когда читаешь рассуждения диссертанта о сознании ИИ, о том, что ИИ ожил, о его – ИИ – (не)этических поступках, то понимаешь, что автор недостаточно хорошо знает и понимает ситуацию, связанную с проблематикой мышления, языка, речи, интеллекта, разума, сознания. Вряд ли стоит исходить из презумпции, что все эти понятия настолько хорошо изучены, что можно свободно оперировать их расхожим общепринятым, а, по сути, бытовым пониманием. Не случайно, 21-й век называют веком сознания, подчеркивая этим фундаментальную проблему. Как можно делать выводы о сознании ИИ, если мы толком не знаем, что это такое? В лучшем случае мы находимся в области гипотез и это надо подчеркивать.

Довольно странным выглядит также рассуждение о разуме ИИ и пассивности человека в диалоге с машиной: «Индивид открывает для себя новое, но этот эвристический процесс контролирует машина и пользователь в этом процессе есть пассивный реципиент, который испытывает воздействие со стороны машины, но не способен конвертировать его в собственное действие» (Автореферат, стр. 34). Такой вывод диссертанта вполне закономерен, если он уже допустил философский диалог между машиной и человеком: «Сегодня можно

констатировать, что в разработке архитектуры интерфейса, основанной на технологиях распознавании естественной речи, уже созданы интеллектуальные системы, деятельность которых внешне напоминает рефлексию и философский диалог возможен в процессе человеко-машинной коммуникации. Если место человека как собеседника способна занять машина, действующая подобно Цифровому Сократу, это, вероятно, сказывается на прагматике диалога, изменяет диалог в качестве формата культуры» (Автореферат, стр. 5). Во-первых, совершенно непонятно, если вопрос о рефлексивной деятельности открыт, то как вообще можно говорить о философском диалоге? Такое ощущение, что диссертант не знаком с умозрительным экспериментом «Китайская комната» Джона Сёрля. Во-вторых, ему очевидно не знакомо то, что философский диалог даже с т.н. «сильным ИИ» (которого не существует) пока выглядит и теоретически, и практически проблематичным, потому что за человеком стоят не только интеллектуальные способности, но и то, что М. Хайдеггер назвал «экзистированием». У машины (ИИ) нет и не просматривается существование в мире как социального и природного существа. А именно в обществе человек формируется как сознательный человек. Он формируется в коммуникации с Другим, что не раз подчеркивал диссертант в рассуждениях о диалоге, но почему то забыл об этом.

Если бы у диссертанта был собственный наработанный опыт общения с нейросетью, то он сразу бы обнаружил, что сложность его заключается в том, что человек в этом общении не пассивен. Самая большая сложность задать машине вопрос, чтобы она представила нужную информацию, а потом надо еще проконтролировать ответ. Здесь не место раскрывать всю проблематику сильного ИИ, но одно ясно, что исследование диалога человека-машинной системы диссертант включил скорее для актуальности, чем из глубокого понимания этой

проблемы. Диссертант правильно чувствует, что здесь кроются грядущие проблемы в том числе и для его «концепции».

Говоря о социальном контексте, в котором появился данный текст, претендующий на то, чтобы именоваться докторской диссертацией, хочу отметить следующее. Удивительно, но диссертант со своим исследованием не интересен даже своим коллегам, что подтверждается ссылками на статьи автора. Вот объективные показатели РИНЦ: всего 32 цитирования за почти три десятка лет работы. Восемь из них все в одном источнике: ВЛИЯНИЕ ФОРМАТИРОВАНИЯ НА СМЫСЛ: ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ Рыскельдиева Л.Т.

Отчет о НИР № 16-03-00120. Российский гуманитарный научный фонд. 2018.

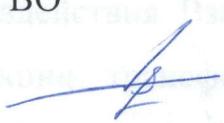
Большая часть прочих — это взаимочитования авторами одной кафедры. И ничтожно малое количество цитирований авторов не с места работы диссертанта. Это косвенный, но весьма красноречивый показатель вклада автора в науку и позиционирования его в научном сообществе. Здесь нет никакой субъективной оценки оппонента, а бесстрастная фиксация машинерией научной активности диссертанта. К сожалению, замечания, высказанные коллегами автору диссертации на первом и единственном обсуждении работы на кафедре, где, он был докторантом и где была выполнена работа, не были услышаны. О.В. Зарапин предпочел ничего существенно не менять, а использовать вненаучные, административные методы достижения своей цели — защиты диссертации: переход на другую кафедру, переименование оной, чтобы сделать возможной обсуждение и рекомендацию к защите, выведение неугодных членов из состава диссертационного совета будучи ученым секретарем совета, в котором сейчас пытается защититься. Таким сомнительным образом была расчищена дорога для защиты. На кафедре философии была обсуждена монография О.В. Зарапина и рекомендована к публикации (Симферополь, 2023).

Сотрудники кафедры отнеслись к монографии более лояльно, так как монография не есть текст диссертации, и автор волен там излагать даже свои субъективные и может быть очень спорные тезисы. Но выносить их на защиту значит быть готовым их защищать со всей научной строгостью, по крайней мере, утверждения должны быть объективными и логически обоснованными, чего соискатель так и не смог добиться.

С учетом всего изложенного, считаем, что диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук не соответствует требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Дата: 30.01.2024

Заведующий кафедрой философии
Института «Таврическая Академия»
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
доктор философских наук, ФГАОУ ВО
профессор

 О.А. Габриелян

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, ФГАОУ
ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

295007, г. Симферополь, ул. Ялтинская 20,
кафедра философии, ауд. 310
Тел.: 8-978-8394520
E-mail: gabroleg@mail.ru

Проректор
по научной деятельности
Н.В. Любомирский